

Глава 10

「День 2 — Разное утро, разное прошлое I」

Проснувшись, Садзё Аяка обнаружила себя посреди далекого пейзажа. Смотреть особо было не на что; она мчалась по плоской равнине. Вдалеке виднелся лес.

Похоже, она была верхом на лошади. Она видела руку в латной перчатке, сжимавшую поводья.

Сон?

Она осознала, что рука на поводьях была не ее. Затем она поняла, что не может пошевелиться. Перед глазами, тем не менее, все стремительно менялось. Ей пришло в голову, что она смотрела на происходящее чужими глазами. Наверное, бывают и такие сны.

Сон, однако, казался крайне реальным, несмотря на все попытки Аяки убедить себя в обратном.

- Ричард! – раздался чей-то голос. – Эй, Ричард!

Обзор Аяки сместился, обратившись назад. Там она увидела еще порядка дюжины людей в доспехах верхом на лошадях, один из которых как раз подводил своего скакуна ближе к ней. Как только лошадь поравнялась с ней, молодой, закованный в доспехи всадник произнес:

- Мы явились по твоему зову, Ричард, но ты серьезно намерен отправиться на его поиски? Этого наследия короля Артура?

- Разумеется, - ответила она — Ричард — на его вопрос. - У меня наконец-то появилась зацепка.

Аяка испытала странное чувство: слова слетали с ее губ, но она при этом ничего не говорила.

- Ты имеешь в виду байку того пьяного менестреля?

- Именно. Истина хитро скрывается глубоко внутри сказок, которые распевают менестрели, будучи трезвыми. Я, однако, так и не наловчился их расшифровывать. То, что они рассказывают, притупив выпивкой свои чувства, понять гораздо легче.

Это был бредовый аргумент. Аяка изумилась тому, что подобная чушь сорвалась с ее языка. Манера речи, однако, поведала ей все, что она хотела знать.

О, наверное, это...

Они называют меня Ричардом... Я что, Сэйбер?

Аяка, наконец, сообразила. Сон был таким необычным, таким чудным, что ей захотелось раздраженно вздохнуть. Но беседа продолжалась как ни в чем не бывало, не считаясь с ее чувствами.

- Он сказал лишь, что это как-то связано с королем Артуром; мы точно не знаем, что это такое. У нас есть свободное время, поэтому нам все равно, но ты ведь из знати. Что именно ты так сильно хочешь найти?

- Да что угодно.

- Прости?

- Экскалибур было бы просто здорово, но Калибурн или Ронгоминиад тоже неплохо, или даже щит, который он, по слухам, использовал в бою с кошкой Палуга. Если мне посчастливится обнаружить проход в Авалон и хотя бы мельком увидеть воочию великого короля или его волшебника, жизнь моя будет прожита не зря.

В голосе человека, который, судя по всему, был Ричардом, звучала сама невинность. Молодой человек подле него криво усмехнулся.

- Если верить легендам, разве Экскалибур не должен быть на дне озера в руках Вивианы?

- Тогда я разыщу Владычицу Озера и завуюю ее дружбу! Ты ведь знаешь, что сир Пеллеас, по слухам, стал ее любовником и выжил в битве при Камлане?

- Разве он не был блудным рыцарем, которого они даже не причисляли к Круглому столу? Он просто увидел свой шанс и сбежал с поля боя. В любом случае, поиски реликвий героя, который, может, и не существовал в действительности, явно не из тех дел, которыми, член королевской семьи должен заниматься лично.

- Что знать, что простолюдины — в восхищении великой легендой все равны, разве нет?

Почему-то Сэйбер кажется еще более несерьезным, чем обычно. Интересно, почему.

Люди, что его окружали, называли его членом королевской семьи, но вели себя при этом скорее как хорошие друзья, нежели вассалы, и Ричарда, похоже, это несколько не смущало.

- Если нам удастся обнаружить сокровища короля Артура, это будет означать, что все легенды – не выдумка. Мы можем доказать, что ослепительные подвиги из *chansons de geste* (**Chanson de geste – фр. букв. «песнь о героических деяниях», жанр французской средневековой литературы эпического содержания.**) действительно имели место быть здесь, на земле, что под нашими ногами! Мы унаследовали просторы, по которым скакали верхом Король рыцарей и его люди! Для меня этого будет достаточно, чтобы смириться со своим предназначением!

- А если нет, то ты никогда не сможешь смириться? Право, ты никогда не говоришь ничего разумного, - его друг раздраженно пожал плечами, восседая верхом на лошади. - Что дальше? Поведешь нас на поиски Грааля?

- Вероятно, это бесплодная затея.

- Почему? Чем Грааль отличается от Экскалибура или Ронгоминиада?

- Кретьен мне о всем поведал. Грааль нельзя обрести в поисках; он сам выбирает своего обладателя. Рыцарям Круглого стола, что искали его, удалось найти его лишь потому, что поток судьбы, прозванный Святым Граалем, сам призвал их к себе. Поэтому мы не можем пуститься на его поиски, руководствуясь лишь собственным выбором. Я уверен, что, если я продолжу следовать за рыцарской славой, подходящая причина рано или поздно явит себя сама.

Ричард крепко держался за сказки, излучая предельную серьезность. Прозвучавшее имя вызвало ответную реакцию со стороны его друга.

- Кретьен? Слухи причисляют его к выродившимся остаткам друидов, что заглядывали в прошлое...

- О да, некоторые поэты, вроде него или Васа, действительно воспевают Артура и его рыцарей Круглого стола весьма красочно, чуть ли не с ностальгией, словно видели те события воочию. Я бы не удивился, скажи ты мне, что они были феями, живущими тысячу лет.

- Ну, это не имело бы значения. Не Кретъен дал тебе подсказку к наследию Артура; то был пьяный поэт, чьего имени ты даже не знаешь, из городской таверны. Понять не могу, почему ты веришь в его небылицы.

- Мне любая подсказка в радость. Я еще не король. Лучше идти по следу Короля рыцарей, пока я еще свободен, тебе так не кажется?

Аяка не могла этого видеть, но глаза Ричарда, вероятно, так и сияли. Рисуя перед своим внутренним взором детское выражение его лица, она обратила внимание на равнину, что простиралась перед Ричардом. И затем она заметила нечто странное.

- Пока ты еще свободен? Да ты уже практически герцог Аквитании... В чем дело, Ричард?

- ...Что-то приближается.

Вдалеке виднелась точка. Однако облако дыма, поднимавшееся за нею, говорило о том, что она с большой скоростью приближалась к ним. Поначалу Аяка приняла ее за несущуюся галопом лошадь, но размер явно был не тот. Вскоре до них донесся громоподобный звук, исходивший от точки, и рыцари начали паниковать.

- Что это, гигантский вепрь?

- Повозка...? Нет, где же тогда лошади... Никогда ничего подобного не видел. У этой штуки вообще есть ноги? Как она движется? Если это зверь, то он издает совсем не знакомый мне звук!

- Смотрите, оно мчится к нам!

- Какая скорость! Спасайся, Ричард!

Ричард, однако, пропустил слова товарищей, которые уже начали натягивать поводья, мимо ушей.

- Очаровательно... - раздался его спокойный голос. - Может, это потомок Турха Труйта.

Опять непонятные слова.

И все же Аяка не особо нервничала. Отчасти из-за уверенности в голосе Ричарда. Но главная причина заключалась в том, что она узнала приближающееся к ним нечто, хотя внешне оно отличалось от знакомых ей современных моделей.

Приближаясь к Ричарду, штуковина начала постепенно замедляться. Еще несколько раз по-звериному рыкнув, она полностью остановилась в нескольких метрах перед ним.

- Что это...?

Рыцарь, что до самого конца оставался рядом с Ричардом, с подозрением уставился на «нечто». Вероятно, он был готов заслонить Ричарда от этой штуки, если возникнет такая необходимость.

- ...Повозка из железа?

- Колеса довольно толстые. И что это такое черное? Какая-то кожа?

Услышав любопытство в голосе Ричарда, Аяка внезапно осознала.

А, я поняла. Должно быть, это происходило, когда Ричард был еще жив... да?

Если дело было в этом, то она могла понять их забавную манеру общения. Также она решила, что ей это все-таки снилось.

Что за странный сон. Ну, все говорят по-японски.

Если это действительно был мир прошлого, тогда штуковина, замершая перед Ричардом и его друзьями, находиться здесь попросту не могла. Ее корпус был украшен стимпанковскими шестернями и готическими с виду железными шипами, придавая ему витиеватый и извращенный силуэт.

Аяка знала, как это называется.

Машина... Должно быть, собранная под заказ.

Увидев автомобиль, который словно сошел с кадров кинобоевика, Аяка задумалась над тем, в каком же состоянии находился ее разум, чтобы породить такой сон.

Ну, я болталась с рыцарями и королями с тех самых пор, как пересекла пустыню Сноуфилда, так что, полагаю, все временные периоды смешались в моей голове в дикую кучу.

Пока Аяка была поглощена мыслями, ситуация начала меняться.

Из глубин автомобиля донесся звук удара. Насторожившись, рыцари обнажили мечи и окружили транспорт.

В следуя секунду дверь — по всей видимости, смонтированная из рук вон плохо — распахнулась после пинка изнутри, и из недр причудливого средства передвижения показался человек. Затем окна «машины» опустились одно за другим, открывая их взору штуковины, похожие на музыкальные инструменты, которые начали играть искаженную какофоническую мелодию. И на фоне всего этого шума раздался радостный голос:

- Приветствую, юный правитель Аквитании и его веселые товарищи! Как поживаете? У меня все хорошо, но я сдаюсь. Отдаюсь на милость и все такое. Поэтому не могли бы вы пока убрать эти мечи?

Одежда мужчины, который произнес столь беспечную речь с поднятыми вверх руками, казалось, соперничала с его машиной или даже пыталась превзойти ее в плане диковинности. На нем красовался наряд аристократа, броский, но окрашенный в такие цвета, что мужчина больше походил на придворного шута, чем на человека благородных кровей. Голову его венчала странная шляпа. Шестерни, которыми был украшен жезл в его руке, издавали искаженный звук, что, предположительно, было результатом работы какого-то механизма.

При виде этого человека Аяка окончательно убедилась в том, что это был сон. Все, что она видела до этого, обладало эстетической целостностью. Ей казалось, что она в самом деле увидела эпоху, когда рыцари сражались верхом на лошадях, но внезапное появление мужчины все испортило, превратив в сущий бред.

- В чем дело? – продолжил причудливый человек, обращаясь к рыцарям, которые даже не подумали опустить клинки. – Вы не знаете слов «мир» и «любовь»? Поднятые вверх руки – знак капитуляции... Или дело в культуре этого периода? Могу

белым флагом помахать, если хотите. Впрочем, неважно. Как бы то ни было, я не вооружен. Не враждебен. На самом деле, я питаю к вам глубокое уважение — вы без всяких колебаний клюнули на мою приманку и даже примчались сюда, в это чистое поле.

- Ловушка!

- Блин, я сболтнул о том, что пьяный поэт в таверне – моих рук дело. Что ж, это ерунда. Вы все-таки прискакали сюда, значит, мой план увенчался успехом! Мне удалось!

При этих словах рыцари еще крепче сжали рукояти мечей и начали сжимать кольцо. Шутовского вида мужчина пожал плечами.

- Подождите минуточку, - сказал он, закинув жезл на плечо. – Попробуйте быть более терпимыми. Даже Александр III, когда столь оригинальная, броская и эксцентричная фигура, как я, возникла перед его глазами, попытался извлечь из этого немного веселья.

- Хватит нести чушь!

- Подождите.

Аяка увидела, как рука Ричарда остановила разгневанных рыцарей.

- Что ты там сказал про Александра Великого?

- Ричард! Слушать такого подозрительного типа...

- Он не Король рыцарей, которым я восхищаюсь, - сказал Ричард, обращаясь к странному человеку и сдерживая одной рукой друга, который пытался его остановить, - но если ты упомянул в качестве сравнения этого великого короля завоевателей, я должен тебя выслушать, какой бы байкой ты ни намерен меня накормить. Не так ли?

Затем Ричард сложил руки на груди и с достоинством заявил:

- Можешь продолжать. Для начала, кто ты такой?

Загадочный человек радостно улыбнулся, взобрался на крышу своего автомобиля, дабы смотреть на рыцарей сверху вниз, после чего громко и отчетливо назвал свое имя:

- Какой замечательный слушатель! Меня зовут Сен-Жермен! Сен-Жермен! Я не против, если вы остановитесь на «Сен», но расслабьтесь и произнесите целиком — Сен-Жермен! Да, Сен-Жермен! Гедонист по имени Сен-Жермен предстал перед великим будущим королем! Это повод для праздника — по крайней мере, для меня!

- Ты знаешь, что Ричард королевских кровей, но все же смеешь взирать на него сверху вниз? – закричал кто-то из товарищей Ричарда, но их это не очень взбесило. Скорее всего, они понимали, что Ричард не придавал особой значимости своему положению.

Рыцари тоже общались с ним весьма непринужденно, - подумала Аяка, после чего услышала, как Ричард пробормотал, глядя на мужчину, произносившего речь с крыши своего авто:

- Ого... Вот так картина вырисовывается.

...

Вспомнив, как выглядел Ричард, когда обращался к жителям города с вершины пожарной машины, Аяка решила, что ей снилось именно это, потому что тот нелепый поступок произвел на нее сильное впечатление. Осознание этого не помогло ей проснуться.

- И? – раздался в ее ушах громкий и ясный голос Ричарда. – Что мне до тебя, Сен-Жермен?

Вновь воскликнув «какой замечательный слушатель», человек, назвавшийся Сен-Жерменом, встал в напыщенную позу и начал говорить.

- Я буду вехой на твоём пути по следам героев минувшего, советником, что поможет предвидеть крах, пророком, что возвестит о конце, и, возможно, иногда голубем с веточкой надежды в клюве. Вот какую роль сыграет для тебя человек по имени Сен-Жермен.

- Ты слишком высокого мнения о себе. Короче, придворный маг. Я прав?

- Прискорбно, но я не маг. Не фея, не инкуб, не гематофаг, не путешественник во времени и не скачущий по мирам волшебник. Нет, я всего лишь аристократ и прохиндей.

Человек, назвавшийся Сен-Жерменом, продолжил, великолепно вращая жезл в руке:

- Поэтому тебе не нужно запоминать мое имя. Можешь тотчас же забыть его, я не против. Я представляюсь вновь. Я Сен-Жермен. Сен-Жермен, имя, которое ты мог уже забыть. Да, Сен-Жермен! Сен-Жермен... Имя не важно; таков человек по имени Сен-Жермен. Сен? Или Жермен?

- Ну же, Ричард, заткни ты его уже.

Ричард даже не пошевелился, не обращая внимания на своих товарищей, которые вновь подняли клинки.

- Подожди. Если ты мошенник, то я хотел бы услышать, как ты намереваешься меня надуть.

Аяка не видела этого, но почему-то знала, что глаза Ричарда сияли, как у ребенка.

- Ха ха. Не я буду тебя дурачить. Оказавшись там, куда ты готов ступить — где обитает несметное число тайн, породивших короля Артура — ты попытаешься обдурить себя сам. Я здесь лишь для того, что помочь в этой великой афере. Я хочу сказать — желаю удачи, по крайней мере. Тост за этот важный момент, с которого начнется твое восхождение к легенде.

Сен-Жермен спустился с автомобиля на землю, почтительно преклонил колени и пристально посмотрел на лицо Ричарда. Их взгляды встретились. В голове Аяки даже мысль промелькнуть не успела, как его губы вновь шевельнулись.

- И тебе, что скрывается за этими глазами, мои наилучшие пожелания.

По спине Аяки пробежались мурашки. Она инстинктивно поняла: последние слова этого мужчины предназначались не Ричарду, а самой Аяке, смотревшей его

глазами. И, словно доказывая это, Сен-Жермен произнес то, что любой бы, кроме нее, счел бессмыслицей.

- Полагаю, ты наблюдаешь из будущего, вечно бегущее дитя.

×

×

В этот момент Аяка проснулась. Ее глаза замерли на сером потолке, и она осознала, что лежит на кровати. Ее спина и ладони чуть вспотели. Она чувствовала бешеное биение своего сердца.

- О, Аяка, проснулась? Должно быть, ты сильно устала. Сразу же уснула, даже очки не сняла.

Посмотрев в ту сторону, откуда донесся знакомый голос, она увидела Сэйбера, сидевшего в кресле рядом с кроватью и читавшего книгу. На столике перед ним лежало еще несколько книг, которые он, вероятно, взял с полки неподалеку. Та же, которую он держал в руках, называлась «Жизнь и смерть короля Джона».

- Потому что кое-кто весь вчерашний день таскал меня за собой по округе, - проворчала Аяка, едва это заметив.

- Если ты достаточно отдохнула для того, чтобы ругать меня, то мне не о чем беспокоиться! И все же тебе стоит отдохнуть еще немного безопасности ради. Снаружи еще не рассвело.

- ...Спасибо. И прости. Я не хотела грубить.

Аяку воротило от самой себя из-за того, что она ответила сарказмом на слова того, кто вытащил ее из стольких передраг.

- Тебе не за что извиняться, - отозвался Сэйбер с веселой улыбкой. - Да, я таскал тебя за собой и, вероятно, буду таскать и дальше. Кроме того, девушки, что просыпаются в плохом настроении, гораздо милее.

- ...Ты явно на позитивной волне.

В этот момент Аяка вспомнила «сон», который ей только что снился. Она помнила его очень отчетливо, что было не характерно для сна.

Это и вправду был только сон?

Инстинкты говорили ей «нет», но подтвердить это мешал страх.

- Тем не менее, в этом доме полно книг. В подвале нет ничего, кроме фолиантов с заклинаниями, но на втором этаже нашлось множество историй и романов. И героических сказаний. Я не заскучаю.

Когда она увидела Сэйбера, его глаза блестели от возбуждения — она предположила, что он читал всю ночь. Аяка не могла молчать.

- Эй...

- Да? Что такое?

«Ты знаешь кого-нибудь по имени Сен-Жермен?» - хотела спросить она, но замерла прежде, чем слова сорвались с ее губ. Она помнила глаза того странного человека, поскольку они были последним, что она видела во сне, и ей было страшно называть его имя самой.

Вместо этого Аяка решила спросить про другое имя из сна. Оно не было ей знакомо, поэтому она подумала, что если Сэйбер его узнает, то это окончательно разрешит вопрос, был ли ее сон обычным или нет.

- Эй... Ты знаешь кого-нибудь по имени... Кажется, Кри... Кретьен?

- Кретьен де Труа? Навевает воспоминания. Он был трубадуром при дворе моей сестры Марии. Он рассказывал мне легенду о Граале больше раз, чем я мог вынести. ...Прости. Не хотел лгать, но только что сказал неправду. Я изводил его своими просьбами рассказать о поисках Грааля сотни раз, и мне это никогда не наскучивало.

- В отличие, наверное, от него самого... - ее привычное раздражение по отношению к Сэйберу взяло верх над удивлением тому, что беседа протекала довольно гладко.

- Тем не менее, ты слышала про Кретьена? Тоже из поклонников рыцарей Круглого стола, да, Аяка? Разве они не замечательные? Кретьен всегда говорил, что они были людьми весьма необычного склада ума, но это лишь часть того, что делает их лучше всех!

Аяка мало что знала про Круглый стол короля Артура, хотя это название было ей смутно знакомо. Однако, судя по тому, с каким восторгом Сэйбер говорил о них, она была готова принять тот факт, что они, должно быть, действительно были великими героями. Его слова также дали Аяке шанс спокойно подумать.

Другими словами, это был не просто сон... да?

Безусловно, теперь ей казалось, что это походило не на сон, а, скорее, на сцену от первого лица в каком-нибудь фильме. Если дело было в этом, было ли там какое-то мистическое действие? Она решила обсудить свой «сон» с Сэйбером, чтобы удостовериться. Но затем несвоевременно раздался стук в дверь.

- Мне впустить гостя, Аяка? – спросил Сэйбер, закрывая книгу.

- ...Решай сам. У меня все равно нет другого выбора, кроме как довериться твоему суждению.

Сэйбер внимательно изучил лицо Аяки, не теряя при этом бдительности по отношению к тому, что происходило по другую сторону двери, и кивнул.

- Волосы не растрепаны, глаза не закисло, одежда в порядке. Думаю, можно и впустить!

- А? Да... Хорошо. Наверное.

- Лады. Привет! – воскликнул Сэйбер, повернув голову в сторону двери. – Входите.

Ручка повернулась, и старинная дверь медленно отворилась.

- Вам удалось немного поспать?

В дверном проеме стоял молодой человек, лицо которого было достаточно молодым для того, чтобы называть его мальчиком. От шеи и ниже он был облачен в преимущественно черную одежду, напоминавшую форму спецназа, которая резко контрастировала с его юными чертами лица.

- Э-э-э... Сигма, верно? – спросила Аяка, настороженно косясь на его зачехленный нож и пистолет в кобуре.

Парень отозвался бесстрастной констатацией факта:

- Этот дом уже окружен.

×

×

В то же время. Дешевый мотель.

Мотель, построенный близ малолюдной дороги. Вдалеке виднелись небоскребы центра города. Рядом с отелем, однако, немногие здания были достойны этого названия. В местах такого рода ожидаешь увидеть склады, в которых хранятся ненужные или брошенные материалы. И все же, даже если взять это в расчет — и даже если учесть, что до рассвета было еще далеко, — машин и пешеходов почти не было. Было так тихо, что, казалось, само время остановилось.

Посреди этого спокойствия возникли человеческие фигуры, которые словно вытекли из тьмы. Девять мужчин и женщин, которые выглядели совсем не к месту в своих мрачных одеяниях.

- Мы закончили разведку, - доложил один из них человеку, стоявшему в центре. - Поблизости нет ни барьеров, ни следов использования магии, ни возмущений в пране.

- ...Это действительно то самое место? - доклад заставил предполагаемого лидера группы усомниться.

Если полученная информация была достоверной, здесь находилось логово мага, принадлежавшего печально известной школе современной магии Часовой башни — также известной как «Школа Эль-Меллоя».

Разве возможно было такое, чтобы человек, обладающий достаточным статусом для того, чтобы его избрали на роль Мастера в Войне за Святой Грааль, бездельничал, не установив ни одного барьера? Им должен был противостоять маг, а не какой-то бедный гражданский, которого под воздействием гипноза превратили в шпиона.

Внушительный боевой опыт лидера твердил ему, что их может поджидать ловушка. Он тщательно пересмотрел свои планы, дабы те принесли безупречные результаты во имя Цугцванга.

Цугцванг был группой магов, сформированной семьей Айнскайя из восточной Европы. Они начинали как подчиненные клана Иггдмилления, правящая верхушка которого располагалась в Румынии, и занимались тем, что стремительно избавлялись от всякого сброда, пытающегося разнюхать секреты их хозяев. Однако Иггдмилления утратили всякую власть более пятидесяти лет назад. Когда их линия распалась, Цугцванг ушел на вольные хлеба и стал организацией, занимающейся самыми разными темными делами.

Магами они были весьма посредственными, но их хвалили за безжалостную эффективность в работе. Принимая самые разные поручения от клиентов, среди которых попадались даже политики и финансисты, не ведавшие о мире магов и их фракциях, им едва удавалось держаться на плаву. Едва.

Будучи наемниками, они требовали за свои услуги большие суммы. Однако они также были магами. Одних денег им было мало, чтобы баловать себя. Затем представилась хорошая возможность. Им в руки попало предложение работы, не только обещающее вознаграждение, размерами превосходившее любую привычную им сумму, но и глубоко заинтересовавшее их как магов.

- Укратите полномочия Мастера и вступите в Войну за Грааль Сноуфилда.

Члены Цугцванга поначалу засомневались. Но их клиент, богатый маг, показал им видение через фамильяра — битву между двумя Героическими душами и оставшийся после нее кратер — и у них не осталось другого выбора, кроме как поверить. Они были убеждены, что в Сноуфилде зарождалась волна, способная сотрясти магический мир до основания. Это была опасная, но при этом прекрасная возможность.

В течение дня они раскинули информационную сеть по всему городу и, наконец, обнаружили убежище Мастера. Они верили, что выследили его, благодаря своим способностям, но им было невдомек, что эту информацию намеренно распространил человек по имени Фалдеус.

Бойцы Цугцванга были готовы окунуться в самый настоящий Ад, не ведая, что в глазах зачинщиков они были лишь разменной монетой, призванной оценить силу их цели — Флата Эскардоса.

- Для начала установим точное местоположение цели. Пешки с первой по третью, возьмите на себя второй этаж мотеля. Пешки с четвертой по шестую, осмотрите первый этаж. Седьмая и восьмая Пешки вместе со мной займут офис администратора. Выведаем с помощью внушения, что ему или ей известно, после чего устраним. То же касается любых свидетелей.

Магическая метка передается в семье магов из поколения в поколение. Свою же Цугцванг осознанно разделил. Одна половина была внедрена в тело лидера, так называемого «Короля», тогда как другая была поровну распределена между его подчиненными, «Пешками».

Обычно, после такого дробления Магическая метка даст лишь небольшое усиление магических способностей. Однако после синхронизации всех частей метки друг с другом Король мог принудительно повысить способности Пешек до своего уровня. При этом продолжительность жизни его подчиненных кардинально сокращалась, а их Магические цепи лишались гибкости.

Король уже хотел обнажить метку, запечатленную на его руке, чтобы привести в действие ее необычные свойства, как вдруг увидел «это».

- Покажите Магические метки на ваших руках. Я подниму вас до своего уровня. Вы знаете, что делать.

Человек с его лицом стоял в центре группы и говорил знакомые слова.

- Что...? – громко произнес Король, но Пешки даже не посмотрели на него. Должно быть, они находились под воздействием какого-то магического вмешательства, поскольку никто из них, судя по всему, даже не знал о его присутствии.

Испытывая чуть ли не самый настоящий внетелесный опыт, Король наблюдал, как двойник, в точности повторяя его обычные движения, положил ладонь на сложенные вместе руки Пешек.

Дело плохо.

Стойте! Не прикасайтесь к его руке!

Король уловил слабый поток магической энергии, но было слишком поздно. Даже если бы он успел выкрикнуть предупреждение, услышали бы Пешки его голос? Подобные сомнения молниеносно промелькнули в его голове. Затем человек с его лицом произнес:

- Три, два, один... Начать слияние.

- Гха...

- Э?!

- Ух...

В следующее мгновение восемь Пешек, коснувшихся его руки, дернулись, словно в них ударила молния, и повалились на землю перед входом в мотель, потеряв сознание. Мощное проклятие, замаскированное под частоту Магической метки настоящего Короля, проникло в их тела в момент синхронизации.

Король тотчас же осознал, что они оказались в отчаянном положении. Но и с этим он тоже запоздал — человек с его лицом исчез. Король почувствовал, как чей-то палец коснулся его затылка, и сам не заметил, как тоже рухнул на землю. Лидер Цугцванга все еще был в сознании, но его замутненному разуму потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять, что его победили. Правым ухом он чувствовал холод асфальта. Левым же, обращенным к небу, Король слышал спокойный голос:

- Вот как. Интересная у тебя магия. Разделить метку и тем самым сделать себя королем собственной колонии. Вот ведь странное совпадение...

В этот момент из-за спины странного человека раздался беспечный голос, разряжая атмосферу:

- Ну как, нормалек? Ого! Похоже, все прошло просто идеально!

- В точности копировать воспоминания трудно, но я могу, по крайней мере читать те, что находятся на поверхности, а также шаблоны поведения. Разумеется, искусство мага такого калибра мне удалось воспроизвести полностью.

- Дже— Берсеркер, невежливо говорить такое при нем.

- ...Прошу прощения. Похоже, личность этого человека не обделена надменностью. Что более важно, ты только что чуть не сболтнул мое настоящее имя?

Берсеркер. Услышав, как молодой человек — достаточно юный для того, чтобы называть его мальчиком — произнес это слово, наемник все понял. Это, по всей видимости, оно разделалось с Цугцвангом одним ударом — одно из существ, которых в Войне за Грааль называли Героическими душами. Король также рассудил, что парень, должно быть, был их целью, Флатом Эскардосом.

Полный провал. Они даже не дали нам шанса что-либо предпринять. Так вот какова она, Героическая душа.

Он также понимал, что вот-вот встретит свою участь. Можно ли было это как-то изменить? Он ломал голову в поисках решения, как маг и как искусственный убийца.

Но было ясно, что в его нынешнем состоянии ничего нельзя было сделать. Из-за проклятия, снедающего его тело, он не мог даже молить о пощаде. Скорее всего, шанс представится, когда они начнут пытаться его, чтобы выяснить, кто его нанял. Но без Пешек что он мог противопоставить магу, повелевающему этой Героической душой?

Понятно. Так вот что такое Война за Святой Грааль... Раз она поощряет магию такого уровня, тогда, будучи магом, я вынужден с этим смириться.

Не в силах даже отнять собственную жизнь, Король молился, чтобы его смерть была как можно менее мучительной. Затем его слуха коснулась до странного беспечная беседа.

- Итак, Мастер? Что будем с ними делать?

- Для начала давай свяжем их и запихнем в другой номер, который мы сняли. Хотя еще девять гостей... Может, еще один займем?

- Втиснем как-нибудь. Я отнесу их, а ты жди здесь.

- Да не бойся ты, никто нас не увидит. Я усилю возведенный ими барьер, чтобы отвлечь ненужное внимание.

Их разговор больше походил на праздную болтовню.

Король с трудом поднял взгляд — глаза его почти не слушались — и увидел юношу со светлыми волосами и мужчину, который выглядел в точности, как он. В следующее мгновение человек с его лицом словно исчез, и на его месте возник здоровенный мускулистый мужчина выше двух метров ростом. Здоровяк поднял всех Пешек разом и затем потянулся к Королю, который через секунду присоединился к своим подчиненным.

Несколько минут спустя.

«Короля» Цугцванга втащили в номер мотеля. Там он обнаружил, что все его «Пешки» были живы.

Почему он не убил их? Если он намеревался пытаться их ради информации, то для этого хватило бы и нескольких. Только не... не говорите мне, что он превращает человеческие тела в кристаллы маны, как это делает семья Складио?

Стоило Королю вспомнить слухи о той бесчеловечной системе, как его прошиб холодный пот.

Он, наконец, заметил, что, помимо его отряда, в комнате лежало еще несколько магов. Король подумал, что они, должно быть, тоже специализировались на шпионаже и скрытых убийствах, но его мысли прервал стук светловолосого парня.

- Всем привет! Э-э-э... Прошу прощения за столь жесткий прием! Видок у вас был недобрый, вот мы с Берсеркером вас и захватили! Если кто-то из присутствующих просто проходил мимо или что-то в этом роде, то мне ужасно жаль!

- ...

Флат Эскардос, похоже, нервничал, чувствуя на себе подозрительные взгляды магов.

- Что будем делать Берсеркер? – спросил он верзилу, что стоял рядом. – Кажется, они на грани. Можешь превратиться во что-нибудь, что поможет им расслабиться? В ребенка, например, или, может, в клоуна?

Здоровяк — Берсеркер — что-то проворчал себе под нос и исчез. На его месте появилась юная девочка.

- Эй! Мы же это уже обсуждали! Почему на тебе всегда оказывается этот срамной наряд, когда ты превращаешься в ребенка?

Флат поспешно закутал девочку в первое попавшееся покрывало.

- Это просто происходит само собой, - ответил Берсеркер. - Облик этой девочки я нахожу обнадеживающим. Хотя во мне еще просыпается желание потрошить, так что, думаю, это плохая идея.

- Нет в этом ничего обнадеживающего! А теперь, пожалуйста, прими прежний облик, прежде чем ты вскроешь кого-нибудь или попадешься на глаза полиции! Видишь? Все на тебя странно смотрят!

Маги, скованные упаковочной лентой, над которой поколдовал Флат, начали трястись в ту же секунду, когда Берсеркер принял облик девочки. Они не знали причины, но, похоже, это была инстинктивная дрожь, первобытный страх. Буркнув что-то по-детски, Берсеркер вновь исчез и появился в облике молодого человека с чертами английского аристократа.

- Как тебе такой вид? – телепатически обратился он к Флату. – Он как-то связан с аристократией моего времени. Как и в случае с девочкой, эта форма помогает мне успокоиться. Это одна из самых известных теорий о моей настоящей личности. Хмм... В этом облике мне хочется не вскрывать людей, а, скорее, осквернять их души.

Флат кивнул и тоже беззвучно произнес:

- Возможно, ты более стабилен, когда форма соответствует правдоподобной теории о твоей личности. Тем не менее, постарайся не давать волю своим позывам.

- Если я когда-либо стану настолько неразумным, тогда, скорее всего, мой Святой граф изменится, и я перестану быть Берсеркером. Если это случится, используй командное заклинание и прикажи мне покончить с собой. Ты понял?

- Джек...

- Уважь мою скромную просьбу, Мастер. Я не хочу столь несовершенного установления моей личности.

Флат не согласился с этой просьбой, но и не сказал «нет». Вместо этого он обратился к магам в попытке увильнуть от телепатической беседы.

- Как насчет того, чтобы представить вас друг другу? Вон там, рядом с душем, лежит Лекзарм, у холодильника расположился Котчефф, а перед диваном – Дикхейл. Человек с осветленными волосами в углу – Сагара. А эти девятеро, которые только что к нам присоединились, э-э-э...

Флат поинтересовался у Берсеркера, и тот ответил, руководствуясь скопированными им поверхностными воспоминаниями:

- Называй их Цугцванг. Одна душа на девятерых людей.

- Точно! Значит, Цугцванг! Мы покидаем этот мотель, но я настрою сковывающие вас печати таким образом, чтобы они одновременно сломались сегодня вечером. Однако нехорошо будет, если вы начнете убивать или калечить друг друга, поэтому я запечатаю ваши Магические цепи еще дня на три.

Запечатывает их Магические цепи. Те маги, что были в сознании, услышав эти слова, которые парень произнес с такой беспечностью, нахмурились. Такой же эффект произвело и его явное намерение пощадить их.

- Мастер, а это не даст Цугцвангу преимущество? Их же девять человек.

- А, ну да. В таком случае отнесем тех четверых в наш прежний номер и установим их печати таким образом, чтобы они сломались на тридцать секунд раньше. Думаю, этой форы им хватит, если они захотят ей воспользоваться.

Веселый голос Флата, похоже, только разозлил хмурящихся магов. Их злило то, что кто-то, совершенно не обладающий решимостью мага, смог обезвредить их, просто заполучив в свое распоряжение оружие, известное как Героическая душа. Эта эмоция, однако, быстро дала задний ход.

Берсеркер заметил то, как маги смотрели на Флата.

- Мастер, - произнес он, поглаживая подбородок, - безопасно ли это, сохранить им жизнь?

- Ты так сильно хочешь их убить?

- Нет... Нам суждено сойтись в смертельной битве, это правда — на самом деле, меня терзает чувство, что я уже убивал их несколько раз в прошлом — но это было, скорее всего, в другой реальности или в каком-нибудь возмущении в ткани мира. Я буду подчиняться своему Мастеру. Тем не менее, есть ли причина оставлять их в живых?

- Мы не будем убивать их, Джек. Человеческая жизнь, вообще-то, есть самая большая ценность в мире.

Для мага это были ужасные слова. Услышав их, пленники практически затряслись от ярости. Но ключевым было то, что Флат сказал далее.

До этого, хоть и признав магические способности Флата, они видели в нем лишь «избалованного богатенького мальчика, обладающего Магическими цепями, но обделенного духом мага» и «ущербного мага, который не может даже избавиться от своей мягкотелости». Но в этот момент сказанные им слова и взгляд в его глазах заставили их изменить свое мнение.

- Человеческие жизни — в том числе и жизни этих людей — необходимы для того, чтобы покинуть Землю.

Его глаза.

Когда Флат сказал это, они не принадлежали магу или обычному человеку. То были зияющие дыры, как будто оттуда что-то выпало, которые словно видели всех насквозь.

Ощувив это ни с чем не сравнимое присутствие, маги поняли: парень, что стоял перед ними, не был магом. Но при этом он не являлся монстром или какой-нибудь марионеткой; несомненно, телом и разумом он был человеком. И все же инстинкты магов твердили им, что его взгляд был устремлен в совершенно иное «место». Они не могли постичь того, что видел этот человек по имени Флат Эскардос.

За те несколько дней, что он провел с Флатом, Берсеркер ощутил то же самое, но умышленно не стал упоминать об этом. Он чувствовал, что его Мастера нельзя было описать с точки зрения добра и зла.

Словно доказывая это, Флат продолжил без всякого намека на добрые или злые намерения:

- Разве их убийство не будет досадным расточительством?

Маги застыли в страхе. Лишь Берсеркер заметил, что, когда Флат говорил, на его лице промелькнуло нечто вроде одиночества.

Оставалось двадцать часов до того, как Благородный Фантазм Джека—

×

×

В то же время. Улицы Сноуфилда. Переулок.

- В нынешнее время люди относятся к жизни довольно легкомысленно. Мне их даже немного жаль, - сказала Филия — или, если говорить точнее, завладевшее ее телом существо — осматривая предрассветный переулок чуть в отдалении от района небоскребов. Как и ожидалось, здесь практически никого не наблюдалось, но ощущения безопасности не было и в помине.

- ...Легкомысленно? - донеслось в ответ от робкой на вид магессы, бредущей за Филией. Та пожала плечами в ответ на ее малодушное поведение и продолжила:

- Да, они тратят ее попусту, или, возможно, стоит сказать, что они живут быстро и опрометчиво. Нет ничего плохого в том, чтобы наслаждаться удовольствием, что приносит момент, но почему они не наслаждаются моментом в полной мере?

Взгляд Филии замер на шумной группе выпивох, а также на суровых бандитах, которые в переулке смотрелись весьма органично.

- Эти дети вдыхают в свои тела дым от странных растений, а от тех смердит кровью их жертв. Я не против того, чтобы они напивались, предаваясь упадничеству, и разбрасывались своими жизнями, но они могли бы, по крайней мере, делать это более красиво.

В этих переулках Филия со своей внешностью бросалась в глаза. Чуть ли не полупрозрачные, серебряные волосы покачивались в воздухе. Красные глаза горели огнем на фоне белоснежной кожи. Ее черты были слишком стройными — вплоть до того, что казались искусственными — но отражавшиеся на ее лице яркие эмоции, которые, по всей видимости, принадлежали тому, что двигало ее тело, придавали ей человеческие качества.

- Привет, девочки. Если вас принесло сюда в такой час, тогда вы, должно бВРБЛВБЛРВБР!

- Вы встали у меня на пути. Я не услышала никаких грязных слов и посему пощажу вас. А теперь сгиньте с глаз моих или умрите.

Неприглядный сброд окликнул ее несколько раз, но от одного лишь ее взгляда все они повалились на землю с пеной у рта. Магесса, которая шла следом за ней, знала причину: невероятно плотная магическая энергия, окутывавшая Филию, сфокусировалась настолько, что стала ощутимой даже для обычных людей без Магических цепей и замкнула их мозги.

Это од? Мана? Некий элемент, не соответствующий ни одной из этих концепций...?

Чувствуя потоки энергии, кружащие вокруг Филии, девушка была объята страхом. От нее не ускользнуло, что этой энергии было невероятно много. Но что действительно ужасало, так это то, что магическая энергия держалась от Филии на расстоянии примерно трех метров, создавая вокруг нее незримый полусферический купол. Более того, ни капли энергии не выходило за пределы этого купола. Девушка могла сказать, что мистическая сила вращалась, словно миниатюрная звезда с Филией в качестве ядра.

Существо перед ней не было магом.

Филия, гомункула Айнцбернов. Девушку известили о ней заранее. Теперь же, однако, она была чем-то, отличным от гомункулов, магов и даже обычных Героических душ, сохранив лишь внешность Филии.

- Ты тоже, Харли, - обратилось существо в форме Филии к девушке-магу, которая сжалась перед лицом абсолютной неизвестности. - Магия самопожертвования не была редкостью в мою эпоху, но, по крайней мере, жертвуй собой так, словно наслаждаешься этим. А то на тебя даже смотреть больно.

Магесса — Харли — задрожала от этих слов. Она чувствовала, как само ее естество читали, словно открытую книгу.

Харли Борзак.

Она была вольным магом и никак не была связана с Часовой башней, но первоклассно владела колдовством. Франческа обнаружила ее, готовую предпринять мистический подступ к Соединенным Штатам в погоне за определенной целью.

Колдовство требует жертв. Харли была инакомыслящей и использовала в ритуалах лишь собственные плоть и кровь. Она также не практиковала смертельные проклятия, но восполняла это умением их отражать. Ее магические умения можно было причислить к весьма высокому уровню.

Она и гордилась тем, что была опытным магом, но в силу определенных обстоятельств поддерживала в себе сильную ненависть к магическому миру. Она приняла предложение Франчески ради шанса уничтожить его.

В случае обретения Святого Грааля она планировала использовать его силу, чтобы сбросить маскировку, которую умышленно поддерживало магическое общество. Осведомленность широких масс ослабит таинства и увеличит разрыв между магами и Истоком. Она даже могла пожелать исчезновения самой концепции магии.

Именно с таким намерением она вступила в Войну за Святой Грааль, но ее постигла странная судьба в лице призванного ею Берсеркера, нанесшего ей серьезную рану, существа в теле Филии, спасшего ее от незавидной участи. Вот как она оказалась в этом опасном переулке незадолго до рассвета.

У матерого мага не было причин бояться какого-то отребья. Потребуется целая банда искушенных в бою отбросов общества или даже небольшой отряд регулярной армии, чтобы справиться с магом, заслужившим в Часовой башне титул Прайда или Бранда. Поговаривали даже, что те немногие маги, которые в совершенстве постигли

искусство битвы, могли в одиночку и голыми руками положить целое войско небольшой страны.

Но Харли, будучи опытным магом, при этом была совершенно не приспособлена к прямому столкновению. С помощью фамильяров она могла отогнать примерно сотню бандитов. Но если она забредет не в то место и внезапно получит удар ножом в спину, даже с учетом восстановительных способностей ее магической метки, у нее не останется выбора, кроме как принять смерть.

При обычных обстоятельствах ее Слуга стал бы ее копьем и щитом. Но Героическая душа, которую она призвала, была Берсеркером и поэтому лишилась разума. Она не была уверена, до какой степени он будет ей подчиняться. Однако...

Харли не сводила глаз с Филии. Что бы ни завладело гомункулой, оно с легкостью усмирило Берсеркера и обращалось с ним, как с щенком. Харли хоть и удалось заключить формальный контракт при посредничестве Филии, но она не могла считать призванного ею Слугу своим.

Она подняла взгляд и увидела его, следующего за ними. Зловещая механическая Героическая душа, похожая на помесь паука и льва, даже не перешла в призрачную форму. Берсеркер полз по стенам зданий, словно гигантский паук из какого-нибудь фильма ужасов. Тем не менее, Харли не чувствовала, чтобы от него исходила какая-нибудь магическая энергия. Шума он тоже не издавал, да и люди в зданиях, по которым он полз, даже не думали паниковать.

- Не беспокойся, - с гордостью сказала Филия обуреваемой сомнениями Харли.
- Его вид и присутствие полностью изолированы. Я сделала так, чтобы видеть его могли только мы с тобой.

Это хоть и было произнесено с небрежностью, но Харли понимала, что совершить подобное было крайне непросто, и страх перед этим существом нахлынул на нее с удвоенной силой. С момента их встречи прошли уже сутки, а Харли до сих пор понятия не имела о ее истинной личности или целях.

Ее раны, полученные в процессе призыва Берсеркера, были исцелены, благодаря Филии, но Харли все равно уединилась в своей мастерской, чтобы восстановить Тайные знаки и Магические цепи и, что более важно, собрать информацию о местности. В какой-то момент Филия исчезла, но вернулась ночью, буркнув, что она весь день «наблюдала за самыми разными странами из любопытства», но «за их броскостью обнаружила лишь скуку».

- Хотя, - добавила она, когда взяла Харли за руку и потащила на свежий воздух,
- в сравнении с тем, что было в мою эпоху, их за многое можно похвалить.

Харли была скромной и испытывала трудности в общении, но, тем не менее, набралась смелости и спросила:

- Э-э-э... Куда мы идем?

- Очевидно же, что туда, где находятся другие Слуги.

- Что?

Харли была ошеломлена. Это, похоже, привело Филию в замешательство.

- Ты ведь сражаешься в Войне за Святой Грааль, не так ли? Я лишь оказываю тебе небольшую помощь на твоём пути к победе. Мои цели все равно совпадают с твоими.

- ...Ты намереваешься просто взять и войти в логово другого Мастера?

- Да, и оно прямо по курсу. Место с рядами грязных фабрик и заводов, которые ничем, кроме размера, похвастаться не могут. Хотя я, честно говоря, предпочла бы держаться подальше от любого места, смердящего дымом.

Населяющее Филию нечто негромко вздохнуло, после чего посмотрело на растекающийся по небу рассвет и пробормотало себе под нос:

- Не выношу, когда в моем саду появляется грязь... Скоро я ее смою.

×

×

В то же время. Полицейский участок.

Орландо Рив, начальник полиции Сноуфилда, оборвал общее восприятие со своим Слугой, Кастером. Он не использовал его для разведки и не испытывал надобности снабжать его информацией. Поэтому начальник никогда не видел в снах внутренний мир своего Слуги или его воспоминания и не считал это необходимым.

Он призвал «фальшивого» Кастера, Александра Дюма-отца, который в данный момент был занят созданием — или подделкой — Благородных Фантазмов в надёжно спрятанном месте. Без общего восприятия телепатический контакт был невозможен. Как правило, они связывались друг с другом по телефону.

С момента нападения Ассасин минул день. Начальник и другие члены полицейского отряда наконец-то начали возвращаться в строй, когда возникла новая проблема. Ушей начальника достигли новости об эпидемии, поразившей животных, и психологическом расстройстве, вызывавшем у людей внезапное нежелание покидать город. Будучи не только одним из зачинщиков Войны за Грааль, но и офицером полиции, чьим долгом было охранять общественный порядок, он был вынужден разбираться с немалым количеством данных.

Этим он и занимался, когда мобильный телефон возвестил о входящем звонке от Дюма.

- Здрав, братан! Быстро ответил! Ночное бдение?

- Вроде того. Я вообще ни разу толком не поспал с тех самых пор, как призвал тебя.

- Ха! Если у тебя есть время жаловаться, может, призовешь тогда Ипполита Дюрана? Он мое гнездышко построил, знаешь ли! ...Разумеется, сейчас оно уже не мое. Замок Монте-Кристо, слышал?

- Разумеется. Теперь это исторический памятник.

Особняк размером с небольшой замок в Иль-де-Франс. Пышное архитектурное творение на берегу Сены, в которое Дюма на пике славы вложил все свое состояние, можно было описать как показатель величия писателя в лучшие его годы.

- Ага, я взглянул и несказанно удивился. Кто бы мог подумать, что дом, который я продал, когда у меня даже соля в кармане не было, не только сохранится, но и станет музеем, посвященным мне!

- Тебе стоит поблагодарить за это почитателей твоих работ.

- Дело говоришь. Не знаю, стоит ли упоминать портрет моей дамы сердца, но теперь у меня нет ни трудов, ни дома, ни любовницы. Думаю, все это можно было бы устроить, приноси оно хоть какое-нибудь удовольствие.

- За исключением трудов и дома, современные ценности невысокого мнения о любовницах.

- Ну да ладно, - продолжил Кастер, пропустив мимо ушей саркастичное замечание начальника. - Только представь себе, мои друзья клюнули, когда я в шутку окрестил свою студию на той земле «замком Иф». Не очень-то вежливо всерьез называть именем тюрьмы место, где писатель уединяется, чтобы сосредоточиться на работе, хотя готов поспорить, что это увеличило бы мою эффективность в разы.

- ...Надеюсь, ты не предлагаешь переправлять Благородные Фантазмы из этого города во Францию и обратно.

- Право, прошло уже более ста тридцати лет с тех пор, как я сыграл в ящик. Я надеялся, что вы уже придумали, по крайней мере, какое-нибудь устройство для быстрой транспортировки.

- Мгновенное перемещение между Сноуфилдом и Францией даже магией назвать не получится. Это уже будет область Истинной магии.

В этот момент начальника посетило внезапное озарение.

- ...Должно быть, ты был сильно привязан к той книге, раз даже назвал собственный дом замком Монте-Кристо. Или это люди сами так решили?

- Кто знает. У меня такое чувство, что мое решение назвать его так было лишь предназначенной кое для кого инсинуацией, но каких-то ответных жалоб при жизни я так и не услышал. Теперь-то уж какая разница, не так ли?

Дюма редко избегал темы так открыто. Начальник почувствовал раздражение, но не стал возражать. Он сожалел, что так сильно затянул этот разговор.

- Итак? Зачем ты мне позвонил?

- Эй, среди твоих есть те, кто повредил свои Благородные Фантазмы в бою с тем кровососом, верно? Я планировал их исправить.

- Это хорошо. Как обычно, курьер...

- Ни слова больше. Не нужны мне курьеры. Пришли кое-кого конкретного.

Начальник нахмурил брови, услышав слова Дюма.

- ...Полагаю, ты сейчас не женщину просишь, как обычно?

- Нет. Отправь ко мне полицейских, которых ты отобрал, Клан Калатин. Не обязательно всех, но как можно больше. Ах да, пусть среди них будут владельцы поврежденных Фантазмов. То же касается и парня, который лишился руки.

- ...

Начальник замолк, услышав запрос Слуги. Он сообщил Клану Калатин о существовании Дюма, но не мог тотчас же решить, стоит ли позволить им встретиться с Кастером лично. Несколько дней назад начальник счел бы это

необязательным, да и Дюма не проявлял желания познакомиться с его людьми. Но при нынешних обстоятельствах он хотел что-нибудь изменить.

- ...Помнится, ты сказал мне, что тебе не нужна помощь в создании Благородных Фантазмов.

- Все верно. Это не сделает Фантазмы сильнее. И к черту совместимость, когда речь идет об обычных людях. Подгонка под владельца не входит в мои обязанности.

Прежде, чем начальник успел спросить «Зачем они тебе тогда?», болтливый Дюма дал ответ:

- В этот раз я всего лишь зритель. Я делаю для тебя самый минимум, чтобы отработать стоимость своего билета.

- ...?

- Вот только... как зритель, я хочу подобрать пару букетов для приглянувшихся мне актеров в знак своего расположения.

Начальник обдумал слова Дюма, после чего тяжело вздохнул. Спустя еще пару секунд молчания он принял решение.

- ...Хорошо. Но они в первую очередь офицеры и уже потом маги. Обещай мне, что ничего не сделаешь с их Магическими цепями или разумом.

- Я тебе не какой-нибудь маг, вроде Элифаса Леви или Парацельса. Ты всерьез думаешь, что я способен на нечто столь каверзное?

- Если отбросить раскол мнений по поводу того, был ли Леви магом, которого признала бы Ассоциация... В основе создания Благородного Фантазма лежит внедрение «легенды» в оружие. В своих речах ты не похож на того, кто может повернуть «нечто столь каверзное».

- ...Ну, есть шанс, что я могу поиграться с их судьбами. Тебе придется с этим смириться. Я приложу все усилия, чтобы изменить их к лучшему.

Начальник уже хотел честно сказать наглому Дюма все, что он о нем думал, но сдержался и быстро закончил разговор:

- ...Прости, у меня тут возникло одно дело. Позже я дам тебе знать, когда отправлю к тебе своих людей.

- Хаха! Не ведаешь отдыха, да, братан? Лучше держи под рукой какое-нибудь лекарство для желудка! Их столько развелось в нынешнюю эпоху, рехнуться можно! Береги желудок, лады? До скорого!

Повесив трубку, начальник бросил взгляд на своего личного секретаря, тоже члена Клана Калатин, которая стояла в стороне, протягивая ему доклад.

Молча кивнув, начальник просмотрел документ. В нем говорилось, что гомункула Айнцбернов, появившаяся в городе, действовала совместно с магессой, которую привела Франческа — с Мастером одного из истинных Слуг. Что его всерьез беспокоило, так это то, куда они, если верить докладу, направлялись.

Начальника заранее известили о Мастерах, которых Франческа и Фалдеус собрали на роли пешек. Кашура, который должен был призвать Сэйбера, погиб от рук Ассасин. Владеющий магией наемник Сигма связывался лишь с Фалдеусом. Дорис Люсендра, выходец из клана, орудовавшего магией усиления и, по слухам, отбросившего даже концепцию человечности, тоже была вне полицейской сети

наблюдения. В результате получилось так, что Харли, за которой они наблюдали, имела для начальника огромную важность.

Однако ее сотрудничество с гомункулой Айнцбернов вызывало беспокойство.

Что же послужило причиной? Промывка мозгов? Угрозы? Нет, учитывая происхождение Харли Борзак, возможно, она заключила сделку и переметнулась на другую сторону.

Саму Харли нельзя было назвать сильным боевым магом, поэтому она не доставит особых проблем. Потребуется меры предосторожности против смертельных проклятий и всего такого прочего, но, поскольку она была не единственной, кто представлял подобную угрозу, начальник уже позаботился о контрмерах.

Проблема заключалась в том, какую Героическую душу она призвала. Информация о Мастерах поступила «сверху», но там ничего не было сказано о том, кто какую Героическую душу призовет. Он предположил, что даже Клан Калатин был в глазах главных зачинщиков всего лишь расходным материалом.

Но начальник, по крайней мере, точно знал, где устроили свои убежища Мастера, которых ему необходимо было особенно опасаться. Он пришел к выводу, что Харли и гомункула Айнцбернов направлялись сейчас к одному из них.

- Промышленный район... Они намереваются вступить в контакт с дьяволом семьи Складио?

×

×

Человек по имени Баздилот Корделион принял сознательное решение не видеть сны.

Он использовал самогипноз, чтобы погружать свое тело в состояние легкого отдыха, а мозг – в глубокий сон всего лишь на несколько минут за раз. Подобная мера позволяла ему сохранять активность в течение длительных периодов времени, а также мгновенно проснуться и отреагировать на появление врага.

Закливание кратковременного сна, достигаемого путем деконструкции сознания, было простым и широко использовалось даже дилетантами. Но, поскольку расщепление сознания было подобно временной смерти, немногие маги прибегали к нему часто.

Баздилот слышал, что некоторые наемники-маги использовали множество дополнительных заклинаний сна для различных целей. Он, однако, в корне не любил видеть сны и потому не позволял себе погружаться в фазу быстрого сна.

Поэтому-то в нем и зародились подозрения.

В определенный момент он понял, что «видит сон».

Вокруг него раскинулось запятнанное закатом море. Ему снилось, что он находился на борту огромного корабля, который рассекал белые барашки на волнах, двигаясь по золотистой поверхности воды.

Но он практически сразу же изменил мнение. Это был не сон, а феномен общей памяти, состоящий из информации и магической энергии, которые ему не принадлежали.

Глаза его располагались гораздо выше привычного. Опустив взгляд, он увидел светловолосого мужчину, который начал что-то говорить ему с надменной улыбкой:

- Хм? Хочешь знать, почему я не боюсь тебя...? Это же очевидно, зачем спрашивать? Потому что я обладаю мудростью, которая не снилась даже богам, конечно же.

Скорее всего, это были воспоминания Слуги, которого он снабжал магической энергией — Алкида.

Спокойно наблюдая за происходящим, Баздилот понял, что мужчина говорил на каком-то древнем языке региона вокруг Эгейского моря. Но, вероятно, благодаря знаниям о современном мире, дарованным Героической душе, или, может, в силу его собственного влияния через установленную между ними связь, мозг воспринимал его как привычный ему язык.

Тот, кому принадлежали воспоминания — предположительно, Алкид — стоял на палубе корабля, чья конструкция была слишком великолепной, чтобы казаться древней. Вокруг себя он видел множество людей. Даже будучи лишь наблюдателем, Баздилот мог сказать, что каждого из них окутывала магическая энергия чуть ли не пугающей силы. Он подумал, что обычный человек на его месте от одного лишь этого получил бы психическое расстройство.

- Видишь ли, люди принципиально обделены мозгами. Дураки избирают дурака в цари, поэтому вспыхивают войны, голодают люди, а страна никогда не ведает покоя. Именно поэтому человек, вроде меня, должен обрести власть и славу.

Что касалось «власти», этот человек, что произносил перед ним речь, не производил впечатление, в отличие от других, однако над ним словно бы довлело некое подобие божественного покровительства. Обострив свои чувства, Баздилот внимательно изучил его и заметил, что его окружала магическая энергия, исходящая от самого корабля.

- Даже те люди, что боятся тебя, - безнадёжные глупцы. И по причине своей глупости они не могут понять монстра, коим ты являешься. Они не понимают тебя и пытаются использовать, и поэтому боятся, даже когда возносят тебе хвалы. Что за сброд. Они ничем не отличаются от невежественных варваров, приносящих жертвы и поклоняющихся пожирающему людей волку, который даже монстром не назовешь, не то что посланником богов.

Голос его был отчетливым и звучным. Он говорил так, словно упивался собственными словами, как если бы они были единственной и очевидной истиной.

Люди вокруг него реагировали по-разному. Некоторые кивали с блеском в глазах, в то время как на лицах других застыли гримасы, которые словно говорили «Опять он за старое». Дикого вида лучница, расположившаяся у носа корабля, взирала на мужчину с неприкрытым подозрением, но тот либо не заметил ее взгляд, либо не счел его достойным своего внимания, поскольку не прекратил говорить.

- Моя страна — страна, которую я намереваюсь создать — будет другой. Каждому жителю я дам образование. Я возведу в городе школу, которая будет лучше тех конюшен, и поделюсь знанием со всеми. Все будут уметь читать и писать и потому не станут жертвами подлых торгашей. Разумеется, они никогда не сравнятся со мной в мудрости, поэтому мне придется блюсти баланс и нести в себе то, чего они иметь не смогут.

Настоящий болтун.

Баздилот продолжал слушать его речь, хоть она его и не впечатляла. Алкид же, кому изначально предназначались эти слова, впитывал его пространный диалог в полном молчании.

- В конце концов, я намереваюсь стать царем. Я готов к этому бремени. Пока все будут подчиняться мне, я воздам им и дарую процветающую землю. Землю, где все будут чувствовать себя в безопасности. Землю... Слушай меня! Землю, где все будут смотреть на тебя без страха в глазах! – заявил светловолосый мужчина и распростер руки, останавливая Алкида, который готов был что-то сказать. Этот его жест словно говорил, что в его словах был сам мир.

- Потому что, пока ты будешь моим человеком, моим другом, моей собственностью, каждый тебя поймет.

×

×

В этот момент Баздилот пришел в себя. Его окружало привычное мрачное убранство его мастерской, расположенной под мясоперерабатывающим заводом.

Баздилот заметил, что сидел в кресле. Затем он достал из кармана часы и убедился, что проспал ровно пять минут.

После нескольких секунд молчаливого обдумывания увиденного, он медленно озвучил свои выводы.

- Понятно. Значит, это был капитан «Арго».

В ответ на это часть пространства мастерской исказилась, и густая масса магической энергии приняла человеческую форму.

- Что ты имеешь в виду? – спросил своего Мастера Алкид.

- Твои воспоминания вторглись в мой сон. Полагаю, причиной тому связывающий нас канал магической энергии. Я был на корабле и видел надменного щенка, который нес всякую чушь про свою утопию.

Баздилот даже не попытался утаить то, что видел, или впечатление, которое это на него произвело. Алкид ненадолго погрузился в молчание, после чего выдавил смешок и покачал головой, по всей видимости, вспомнив далекое прошлое.

- ...Утопию? Сомневаюсь, что кто-то еще на том корабле стал бы вести столь сомнительные речи.

- Никчемный человек. В наши дни люди, вроде нас, от него бы только косточки оставили — всего лишь легкая мишень, не знающая свое место. С чего бы тебе, великому герою, тягать весла ради такого человека, как он?

Баздилот бесстрастно обрисовал Алкиду увиденную им личность и задал соответствующий вопрос. Ответ Алкида последовал незамедлительно.

- Тот человек был дешевым клоуном со всеми присущими человеческой природе слабостями и пороками. Не могу отрицать, товарищи постоянно слышали от него, что он единственный способен распоряжаться ими в полной мере. Этим он заслужил холодные взгляды от Аталанты.

Аталанта.

Услышав имя охотницы, которая, согласно мифам, плавала вместе с Алкидом, Баздилот предположил, что видел в своем сне именно ее.

- ...Но о своей мечте он вещал не только мне, кого боялись как монстра, но и царице Лемноса и даже созданиям на берегу, понимавшим человеческую речь. Он стремился стать королем, не богом. Хотя сомневаюсь, что он делал различие между этими понятиями.

Это была суровая оценка, но в голосе его не чувствовалось презрения.

- Он был жалким человеком, который забыл учение нашего общего учителя Хирона и стал одержим собственными желаниями. И все же в его диких рассказах не было фальши.

Алкид говорил о том, кто был капитаном «Арго», неторопливым тоном человека, описывающего мечту, которая у него когда-то была.

- Тот мужчина, смердящий грязью и алчностью, был человеком больше всех, кого мне довелось повстречать. Если меня ждет поражение, я не хочу погибнуть от проклятий, молний или адского пламени богов. Пусть мою душу спалит бесконечная жадность мужчины, вроде него — человека.

- ...Говоришь так, словно надеешься на это.

- Разумеется. Но лишь после того, как свершится моя месть.

Затем чуть ли не по чистой случайности он начал вспоминать чудесный корабль, на котором плавал — «Арго».

- Тот корабль был самым настоящим логовом воров. За сияющим обликом скрывался водоворот гибели, алчности, вероломства — всего того, чему подвержены человеческие существа. Не думаю, что у кого-нибудь на корабле рука бы не поднялась убить меня, в том числе у капитана. И наоборот.

- Говоришь так, словно ты был сильно привязан к той посудине.

Это было наполовину саркастичное замечание, произнесенное с совершенно невозмутимым лицом. Алкид не стал соглашаться или отрицать. Он как ни в чем не бывало поведал о том, что ждало капитана в конце.

- Тот человек потерял все. Я слышал, что он сгинул под трупом корабля, где мы делили радости и невзгоды... хотя это могло быть подлинным актом милосердия со стороны того изменчивого суденышка.

Увидев, насколько сильно Алкида тронул его собственный рассказ, Баздилот почувствовал, как в нем проснулись сомнения.

Он ужасно разговорчив. Вот уж не подумал бы, что разговор о прошлом так его взволнует...

Алкид ответил на эти сомнения тем, что схватил свой лук и ударил его наверху об пол. Слуга сочился жадой крови, которая вкупе со звуковой рябью от удара отзывалась в воздухе холодной резкой дрожью.

- Все эти слова нужны для правильного понимания того, что я сейчас скажу. Я бы не хотел, чтобы это прозвучало так, будто я несу смерть без причины, уподобляясь негодьям, которые называют себя богами.

- ...Что ты хочешь сказать?

Даже перед лицом неприкрытой жажды крови Алкида Баздилот оставался совершенно невозмутимым.

И в гуще напряжения, которое было столь сильным, что могло бы сломить тело обычного человека даже быстрее, чем его дух, Алкид тихим голосом озвучил Мастеру свое «предупреждение».

- Может, это и правда, что он был безнадежно надменным глупцом, который не знал свое место, но даже так... он был моим другом. Тебя не было на том корабле, и я не позволю тебе столь небрежно разбрасываться оскорблениями в его адрес.

Это была прямая угроза. Баздилот рассудил, что, если он позволит себе еще одно замечание, унижающее того капитана, Алкид обратит против него свое оружие без всякой жалости.

- Вот как. Понятно. Извиняться не стану, но пообещаю впредь не возвращаться к этой теме.

После недолгого молчания Алкид унял свою жажду крови и отвернулся от Баздилота. Глядя на его спину, Баздилот понял, почему столь незначительное воспоминание проникло в его сознание через канал магической энергии. Для мужчины по имени Алкид время, проведенное на борту того корабля, должно быть, было из тех немногих случаев, когда к нему относились как к человеку, а не как к отпрыску богов. Помимо этого, пожалуй, можно было назвать пору его детства и дни, проведенные с женой и детьми, которым было суждено умереть.

Эти следы того человеческого, что было в Алкиде, выделялись, подобно выступающим камням, и теперь, должно быть, были единственным, что придавало ему форму.

Как извращенно, подумал человек, извративший его, без всякого сочувствия. Он запечатлел этот разговор в своей памяти, чтобы использовать в будущем.

Возможно, тот капитан действительно был героем.

Мнение Баздилота о светловолосом мужчине, которого он выдел во сне, слегка изменилось в лучшую сторону. Он обдумывал свои будущие планы, когда средства связи в его мастерской приняли вызов из мясоперерабатывающего завода, расположенного на поверхности.

- ...В чем дело? – ледяным тоном поинтересовался Баздилот.

В ответ раздался голос — чуть ли не вопль — подчиненного ему мага с первого этажа:

- Э-это Айнцберны! Их гомункула здесь, и...

Его подчиненный не успел закончить. Раздался сильный шум, и связь прервалась со звуком, с которым тело падает на пол.

Баздилот молча поднялся на ноги, и посмотрел в сторону лестницы, ведущей на поверхность. Алкид, судя по всему, тоже почувствовал неладное.

- ...Я чувствую только одного противника, - пробормотал он, сжимая в руке лук, - но их, похоже, больше.

Возможно, он руководствовался интуицией героя, или же это было как-то связано с его Глазом разума. Алкид подозревал, что слабое присутствие, которое он ощутил, и то, что уничтожило людей Баздилота, были разными сущностями. В подтверждение этому он вскоре услышал приближающийся стук двух пар обуви по ступеням.

Через несколько секунд в мастерской возникли женщина с необычайно белоснежной кожей и серебряными волосами гомункула и девушка — по всей видимости, маг — которая, казалось, пыталась спрятаться за ее спиной.

В этот момент Баздилот и Алкид поняли. Присутствие женщины, которая, судя по всему, была гомункулой Айнцбернов, никто не смог ощутить, потому что она заставляла свою магическую энергию циркулировать только вокруг себя.

Представ перед этим куполом плотной магической энергии радиусом в несколько метров, Алкид безмолвно поднял лук, в то время как Баздилот с непроницаемым видом произнес:

- Кукла Айнцбернов, значит? Что тебе здесь нужно?

В противоположность Баздилоту, чей голос был практически лишен эмоций, гомункула жизнерадостно произнесла с мягкой улыбкой на лице:

- О, посмотри, каким ты стал грязным... Ты уже наполовину перестал быть человеком, не так ли?

- В таком случае... полагаю, ты не будешь против, если я убью тебя вместе с этой извращенной Героической душой?

×

×

Тот тусклый мир переполняло присутствие густого леса.

Гигантские криптомерии устремлялись к небу, словно здания, со всех сторон. Глубокие тени от их крон покрывали землю, словно говоря, что они не позволят вкусить жизни новым росткам.

И в сердце этого мрака упала тень, что была еще гуще. Она была цвета темной земли. Но на самом деле внутри она полнилась плотной магической энергией и лучилась жизнью. В глубинах этого комка земли, что извивался, словно слизевик, раз за разом раздавались «слова». Точнее, это были даже не слова, а куски «воли». И новорожденный ком грязи впитывал их, чем бы они ни были.

Пронзай и быстро сшивай.

Ты есть всепронзающее копье и игла, что быстро сошьет воедино нашу истину — истину мира.

Ты наделен знаниями, необходимыми для того, чтобы стать идеальной куклой, и долгом сделать это.

Наша первая и последняя милость, ниспосланная, чтобы предупредить о высокомерии, что шагает по этой земле.

Напомни расе человеческой о ее роли. Ты будешь их направлять.

Пронзай и быстро сшивай.

Но сначала — постигай.

Тебе нужно знать.

Знать, каковы из себя люди.

В лесу Энлиля Уту дал жизнь человеку, который был «совершенным».

Смотри, говори, твори свою форму по подобию.

После Нинурта дарует тебе часть своей силы.

Мы забросим тебя в леса Урука, но помни — ты должен быть с «человеком», которого взрастил Уту.

Стань идеальным. Стань куклой.

Ты – ком земли, что будет подражать всей жизни.

Общайся с людьми.

Пронзай и быстро сшивай.

Множество слов самого мира проникало в самую суть комка грязи. Он просто существовал в тенях леса и искал, как того требовали слова.

Он должен познать людей. Должен встретить «совершенного» человека, которого вырастил сам Уту.

Затем лесной воздух стал холоднее, и перед комком земли предстало «оно». Голоса внутри кома усилились, и он инстинктивно понял, что это был «совершенный человек».

«Нечто» — «это» нельзя было описать такими словами, как «он» или «она» — чье присутствие почувствовала грязь, просто расплзаясь по лесу, издало крик—

Крик нескончаемого негодования и вечной ненависти ко всему миру.

×

×

В лесу.

- В чем дело? Мне показалось, что тебе снился кошмар.

Энкиду нежно погладил по спине своего Мастера, серебряного волка, и тот медленно открыл глаза. Увидев свет, пробивающийся через кроны деревьев, он с облегчением потерся головой об Энкиду. После того, как волк несколько раз гавкнул, лицо Энкиду помрачнело, и он произнес тоном, в котором чувствовались искренние извинения:

- ...Вот как. Должно быть, это были воспоминания, предшествовавшие моему рождению. Прости, что напугал тебя.

Энкиду прикрыл глаза. Затем, вспоминая время, которое осталось далеко в прошлом, он пробормотал, отчасти обращаясь сам к себе:

- Уту и другие боги — все, за исключением Иштар и Эрешкигаль — искренне верили, что «она» была «совершенным человеческим существом». Вообще-то, если бы после «нее» мне не повстречались Самхат и Гил, я бы, вероятно, тоже в это поверил.

Серебряный волк мягко заскулил, словно пытаюсь утешить погрузневшего Энкиду, на что тот ответил улыбкой. Затем, посмотрев в звездное небо, чуть отличавшееся от того, что нависало над землей в его эпоху, он заговорил о судьбе богов.

- В тот момент, вероятно, было уже слишком поздно для того, чтобы остановить их расставание с людьми Вавилонии.

×

×

Отель «Кристал Хилл». Верхний этаж.

- Хмф... Это все равно меркнет перед моей комнатой в Уруке.

- Правда? Но ведь здесь так красиво, - удивленно воскликнула Тина Челк.

- Естественно, ведь все это хранилось в моей сокровищнице, - с легким недовольством заявил ее Слуга, Король героев. - Вся моя мебель - высочайшего качества. Но атмосфера этого времени не в состоянии уравновесить мои сокровища. Прежде всего, здесь едва ли достаточно места. Эта комната слишком маленькая для того, чтобы должным образом продемонстрировать все великолепие Урука.

Говоря это, Король героев обзирал люкс, который полностью преобразился за последние несколько часов. Несмотря на то, что атака Алкида выбила стекло, это по-прежнему был самый роскошный номер во всем Сноуфилде. Мебель и кровать не имели себе равных. Тина, которая привыкла жить в отрезанном от остального мира небольшом поселении в пустыне, чувствовала себя так, словно оказалась в другом мире. Тем не менее...

Прошлым вечером Король героев, закончив длинную лекцию о возведении стен Урука и перейдя к разъяснению того, насколько идеальным был его город, объявил о своем намерении сделать перестановку. По всей видимости, он сомневался в том, что Тина и ее подчиненные могли в полной мере постичь все чудеса Урука. Приказав облаченным в черное последователям Тины «вынести всю мебель в коридор», он извлек из своей сокровищницы предметы убранства вавилонской эпохи.

Тина с широко раскрытыми глазами взидала на их красоту.

Ступая по развернутым коврам, она невольно представляла себе, что у нее под ногами были облака. Блестящие столовые приборы, подобных которым она никогда не видела, были разложены на столе, который, по-видимому, был вырезан из камня.

Даже дизайн различных золотых украшений, который из-за одной-единственной ошибки можно было с легкостью счесть дурным вкусом, органично вписывался в окружение. Они несли в себе простую красоту, как поля поспевшей золотой пшеницы.

...Да обычная броня Короля героев роскошнее всего этого хлама, - подумал кто-то из людей в черных костюмах. Затем, сообразив, что эта мысль, будучи произнесенной вслух, может стоить ему жизни, он покрылся холодным потом и загнал эту мысль в самый дальний уголок своего разума.

Что касается драгоценных камней, то даже лазурит — не такой уж редкий камень — в больших количествах появившийся из сокровищницы Короля героев, был не похож на тот, что Тине довелось видеть. Поверхность камней, окутанная почти прозрачным индиго, была тронута блестящим кристаллом, похожим на белые гребни волн. Из-за этого ей казалось, что в камнях был заключен океан, который, если их разбить, выплеснется наружу, чтобы породить звезды и жизнь. Скажи ей Король героев, что так оно и было, Тина бы в это поверила.

Но Король героев все равно жаловался, что все это великолепие, даже украшенное огромными драгоценными камнями такой красоты, было лишь «жалким подобием».

- Возможно, мне следует для начала возвести дворец — нет, город. Что скажешь, Тина?

- Мы не являемся людьми Урука и потому не посмеем ступить на улицы такого города.

- Чушь. Чтобы стоять на его мостовой, не нужно быть жителем Урука, - отмахнулся Король героев от слов Тины, глядя на нее сверху вниз. - Все люди - шавки в моих глазах. Разница между богатыми и бедными не толще золотого листа. Людьми Урука я признаю тех, в ком есть воля пройти через пустошь.

Затем, видимо, от воспоминаний о жителях Урука его лицо смягчилось.

- Была даже одна шавка, поднявшаяся от девки из таверны до верховной жрицы, которая кричала на меня до тех пор, пока я не восстановил страну, можешь в это поверить? Я никогда не пойму ее веру в эту беспечную богиню Иштар, но именно такими должны быть мои люди.

- Такими...

- Она не была уникальной. Все люди Урука боролись за жизнь, но никто не считал это тягостью. Даже среди тех, кто зависел от меня и возносил мне почести, не было согбенных людей, умевших только льстить. Любой бы, в чьей голове зародилась подобная затея, оказавшись на пустошах, умер собачьей смертью без всякого суда с моей стороны. Такой была эпоха, в которой жил народ Урука.

Сказав это, Король героев, купаясь в лучах утреннего света, струившегося сквозь окна, обратил свой взор на Тину. Возможно она использовала какую-то магию, потому что усталости у нее не было ни в одном глазу, несмотря на бессонную ночь.

- Разрешаю тебе удалиться на отдых, - с легким недовольством сказал Король героев Тине. - Ты была рождена человеком; будь естественной и прислушивайся к требованиям своих инстинктов.

В своих словах он высоко оценил усилия своей подчиненной и остановился прежде, чем сказать, что видел ее заклинание насквозь.

- Н-но Ваше Величество! Чтобы я предалась праздности, пока Вы трудитесь, не смыкая глаз...

- Тогда это мой королевский приказ: отдыхай. Замученный работой до смерти слуга, пусть даже временный, - позор для короля.

Но Тина все равно колебалась. Король героев стер все эмоции со своего лица и заявил:

- Кажется, я уже говорил тебе: можешь предложить мне свою жизнь, но мне не нужна незрелая душа.

- Н-нижайше прошу прощения!

Когда Тина, рассыпаясь в благодарностях, исчезла в спальне, Король героев обратил свое внимание на ее последователей в черном, оставшихся в комнате. Они напряглись, поскольку король, как правило, вел себя так, словно их не существовало вовсе.

- Вы тоже трудились, не покладая рук. Должно быть, тяжело почитать своей госпожой неоперившееся дитя?

- Р-разумеется, нет. Мы бы никогда...

Король героев прищурил глаза, увидев натянутую улыбку того, кто это произнес.

Один для начала.

Гильгамеш, который, будучи героем, тираном, мудрым правителем и Героической душой, повидал немало людей и потому тотчас же опознал в нем предателя. Однако он не стал заострять на этом внимание или даже телепатически уведомлять Тину.

Десять крыс, я бы сказал... но их будет еще больше.

Ухмыляясь про себя, он начал поигрывать бокалом, в котором отражался утренний солнечный свет.

Не важно. Они – подчиненные Тины, не мои. То, найдет ли она предателей или же потерпит в этом неудачу и получит удар в спину, зависит только от нее...

Если заявляешь, что ты не дитя, шавка, покажи мне, каков твой разум. Как твой король, я тщательно взвешу его и решу, чего он стоит на самом деле.

После он сказал себе так, что его никто не услышал.

- Шавка, если ты всего лишь дитя, коим я тебя вижу, то пока что плыви по течению своих снов.

- Даже твои кошмары должны быть лучше реальности.

×

×

Во сне.

Куруока Цубаки проснулась, купаясь в лучах утреннего света, струившегося через окно.

- Доброе утро, мистер Черныш!

Черный гигант, закрывавший собой потолок, радостно заизвивался в ответ.

За окном пели птички. В саду мирно резвились кошки и собаки.

- Доброе утро, Цубаки. Завтрак готов.

Дверь открылась, и в комнату вошла ее мать, принеся с собой аромат жареного бекона.

- Хорошо! Доброе утро, мам! Уже иду! – с невинной улыбкой ответила Цубаки.

Это можно было назвать обычным спокойным днем для жителей Сноуфилда. Занавес вновь поднялся, явив Цубаки обычную жизнь, о которой она мечтала больше всего на свете.

- Так я и думала! Должно быть, все просто были в отъезде.

Съев свой завтрак, Цубаки отправилась на прогулку, играя по пути с животными, и заметила, что город изменился со вчерашнего дня. По дорогам теперь время от времени проезжали машины, а на тротуарах можно было заметить прохожих.

Цубаки редко выходила из дома и, помимо своей семьи, мало кого знала. Но даже так, когда все люди исчезли из города, она поначалу занервничала и испугалась. Вспоминая это, она поблагодарила «мистера Черныша» который, как обычно, следовал за ней, ютясь в тенях.

- Спасибо, мистер Черныш. Без тебя я бы умерла от голода и страха.

Тень просто качнулась из стороны в сторону в ответ на слова девочки. Черная масса, подрагивающая в тени телефонного столба на пустынной улице, как будто сошла с кадров фильма ужасов, но Цубаки лишь невинно улыбалась и, похоже, полностью ей доверяла.

Цубаки сама не понимала, почему она с такой готовностью приняла это черное гротескное существо. Несмотря на юный возраст — нет, именно благодаря юному возрасту — она вполне могла последовать инстинктам и испугаться, и в этом не было бы ничего странного. Но по какой-то причине Цубаки ни разу не ощутила страх. Она словно чувствовала, что с этим существом она будет в безопасности. И, поскольку сама она никогда не ставила это под вопрос, задуматься о ее близости с этой черной массой больше было некому.

До сего момента.

- Эй, можно мне тоже поиграть с твоими животными?

Цубаки удивилась, когда с ней вдруг кто-то заговорил. Быстро развернувшись, она увидела незнакомого ей мальчика. Он выглядел на несколько лет старше, хотя в глазах взрослых они оба были бы маленькими детьми.

- Э-э-э... Да. Конечно!

Цубаки, несмотря на нерешительность, с радостью приняла мальчика. Она не заметила, что черная тень — Бледный всадник — в момент его появления раздулась, словно готовая защитить ее, но вернулась к нормальным размерам в явном облегчении после того, как Цубаки улыбнулась мальчику.

Мальчик, с другой стороны, заметил извивающуюся черную массу и облегченно вздохнул, когда та успокоилась.

Пронесло. Он решил, что я друг Цубаки. Я был на волоске; даже мне не под силу с точностью предсказать поведение Слуги системного типа, - подумал мальчик, глядя собаку по щеке, и одарил Цубаки невинной улыбкой.

- Джестер.

- А?

- Меня зовут Джестер Картур. Приятно познакомиться.

×

×

Мастерская мага.

Расположившись на большой кровати в тускло освещенной мастерской, зачинщица и ее Слуга уминали сладости, совершенно не подозревая о случайной встрече детей во сне девочки.

- Ммм... Вот эти хороши. Дай мне вон тех еще попробовать.

- Не налегай, а то растолстеешь, - предупредила девочка — Франческа.

- А вот и нет, я же Героическая душа, - хвастливо рассмеялся мальчик — Кастер, Франсуа Прелати — вскрывая пачку конфет.

- Здорово, наверное, - отозвалась Франческа, надув щеки. - Интересно, можно ли мне тоже такой стать? Как думаешь, если я сделаю что-нибудь невероятное в нынешнем облике под именем Франчески, я стану Героической душой?

- Думаю, ты, вероятно, просто сольешься со мной. Вообще-то, ты теперешняя, и ты, чью копию снял Трон героев, будете разными сущностями, обладающими по воле случая одинаковыми воспоминаниями, так что раздумья по поводу того, сможешь ли ты «стать» Героической душой, - уже то еще занятие. Хотя я слышал об исключениях, которых призывали в самые разные эпохи еще при жизни.

Услышав слова Прелати, Франческа, жевавшая дораяки, японское бисквитное печенье, в замешательстве склонила голову вбок.

- Интересно, Арти - одна из них? Не то чтобы это важно, поскольку она не объявилась в этот раз. И еще я знаю, что для наших господ это стало бы большим ударом, если бы нам довелось поиздеваться над ней.

- Вот как... Может, ты и права. Я слышал, что ей нелегко пришлось в Четвертой Войне Фуюки, но не похоже, что наши хозяева пришли тогда ей на помощь.

- Вероятно, они решили, что им и не нужно было. Да у них бы и не получилось. Одно дело, если бы война происходила в Британии, но в мире осталось не так много

тайнства, чтобы переправить их из того озера через океан. Для этого пришлось бы вскрыть саму ткань мира или... О?

Несмотря на непостижимое содержание их беседы, они все равно походили на мальчика и девочку, болтающих друг с другом... пока изображение на одном из окружающих их бесчисленных мониторов не привлекло внимание мальчика. Его рука замерла на полпути к очередной пачке сладостей.

Это был один из тех мониторов, что отображали местоположение магов, которые были пешками Франчески — конкретно этот был привязан к промышленному району, где располагалась мастерская Баздилота Корделиона.

Одна из дымовых труб завода медленно рухнула, и в поднявшемся облаке появился неестественно большой гротескный силуэт.

- ...Это еще что? Гигантский монстр? Большой паук из Пещеры кристаллов?

Прелати сел на кровати, с интересом наблюдая за происходящим на экране. Огромное существо, похоже, вступило в бой с Алкидом, что сулило промышленному району серьезными разрушениями.

- Паук еще не пробудился. Может быть, это проклятая кошка Британии.

- Как по мне, не похоже оно на кошку или собаку. Неужели кто-то призвал гиганта или короля пиктов?

В этот момент Франческа заметила в углу изображения знакомую фигуру, бежавшую со всех ног.

- Харли?

Франческе плохо было видно на таком расстоянии, но в следующий миг огромная чудовищная фигура, похоже, заслонила девушку собой от летящих обломков, не пропустив ни одного. Осознав, что приготовленная ею пешка по какой-то причине позволила некому существу учинить разгром в мастерской Баздилота, Франческа прилипла к экрану с экзатической улыбкой на лице.

- Не может быть. Seriously? Ого, так держать, Харли! Я привела тебя лишь для того, чтобы заполнить свободное место, но ты умудрилась призвать нечто потрясающее! Это и вправду *та самая* Героическая душа? Более того, откуда такое огромное количество магической энергии?! О, у меня аж внутренности заныли! Люблю девчонок, которые вот так превосходят все ожидания! Ты лучше всех! Надо будет как-нибудь потом обнять тебя и угостить тортиком!

Франческа тяжело дышала, щеки ее полыхали огнем. Ее Слуга, напротив, раздраженно воскликнул:

- Эй! Ты экран загораживаешь.

Люди приветствовали рассвет.

Рассвет, который для участников этой Войны за Святой Грааль ознаменовал начало полномасштабного конфликта.

Рассвет, который для обычных людей Сноуфилда ознаменовал начало разрушения.